

Тун Хуайцин и вправду не расслышал, что пробормотал тот мужчина: Чи Ино уже подскочила к нему.

— Ух ты, какая цепочка красивая! — выпалила девчушка, поднося к самому его лицу ракушечный браслет и флакончик лака. — Брат Тунтун, смотри, что я купила!

Неприятный липкий взгляд тут же пропал. Чуть склонив голову, Хуайцин разглядывал дешёвые безделушки на детской ладошке, абсолютно не придавая значения этой мелкой заминке. К чужим взглядам он давно привык. Восхищённые, пренебрежительные — какая разница? Ему достаточно сесть за банкетку, пока на него направлен софит, и весь остальной мир перестаёт существовать.

За пианино Тун Хуайцин не замечал ничего вокруг.

Зрители, жюри, журналисты с блокнотами наготове? Какое ему до них дело.

Эта привычка проросла и в повседневность: он мог покачать головой в ответ на протянутые ножницы, совершенно не замечая, как деревянеет улыбка ведущего.

Ну да. Отказался резать ленточку прямо на глазах у публики.

Не брать в руки острое, не поднимать тяжести, избегать любых нагрузок на кисти. Пальцы нужно беречь как зеницу ока.

«Манерный», «зазвездился»... Какими ещё словечками изгалялись газетчики?

А, точно: «губитель собственного таланта».

Разноцветные ракушки, нанизанные на нитку, покоились на ладони рядом с нелепым флакончиком. Наклонив голову, Чи Ино улыбнулась:

— Красиво?

Хуайцин не успел ответить — рядом раздался шепоток:

— Ого... Я его случайно не по телевизору видела?

— Красивый какой...

Тун Хуайцин опустил веки и неторопливо сделал шаг назад, уходя от чужого внимания.

Зашуршала розовая штора из бусин — в тесный магазинчик завалилась шумная компания. Чи Ино случайно толкнули; покупка выскользнула из рук и со звоном упала. Нагнувшись за ней, девочка задела чёрную бархатную подложку. К счастью, безделушки на ней оказались не из хрупких, но лавочник уже смерил покупателей тяжёлым, раздражённым взглядом:

— Эй, что там свалилось? Сломаете — заставите выкупить!

Хуайцин помог поднять красную нить и увидел, как покраснели уши Ино. Девочка поднялась, сжимая в кулачке поясок-цепочку, и направилась к кассе. При всей своей взбалмошности, воспитывали её строго: за любой промах нужно отвечать. Пусть шнурок и не разбился, но, упав в пыль, испачкался, а значит, придётся выложить за него последние карманные деньги.

Мнущая в кулаке помятые купюры, Ино тянулась на цыпочках, следя за тем, как лавочник тычет в кнопки калькулятора. Она уже паниковала, хватит ли наличных, когда на стойку легла хрустящая красная сотня. Девочка ахнула, запрокинула голову и столкнулась с мягким, чуть прищуренным взглядом Тун Хуайцина.

— Брат Тунтун, я... — Она попыталась отодвинуть банкноту. — Я сама заплачу.

Хуайцин молча пододвинул красную нить к сотне и кивнул.

Чи Ино всё поняла: он выручал её. Забрал шнурок себе и оплатил покупку. Ну да, куда маленькой девочке поясок-цепочка?

— Эту цепочку, что ли, берёшь? — Лавочник оглядел тонкое лицо Хуайцина с нескрываемым сарказмом и, фыркнув, отсчитал сдачу. — Это же на талию, если что.

«Так это для талии!» — осенённая, подумала Ино.

Впрочем, тем лучше. У брата Тунтуна тонкая талия — её, наверное, можно одной рукой обхватить. Ему точно пойдёт!

Выйдя на улицу, Чи Ино потянула Хуайцина за край футболки:

— Пойдём поедим фруктового льда! Он тут такой вкусный!

Тун Хуайцин едва заметно качнул головой и, взяв её за руку, повернул назад. Райончик здесь был тот ещё — сброд со всего уезда Аньчуань. Он ещё у магазина приметил золотозубого типа, сидевшего на крыльце напротив. За его спиной висела плотная штора, подсвеченная розовым неоном. Поодаль переговаривалась молодёжь: перебрасывались сальностями, дымили дешёвой папиросной дрянью и то и дело поглядывали в их сторону.

А Ино продолжала наивно лепетать:

— Ну мы же только пришли! Неужели правда не пойдём? Мне брат обычно вообще сюда ходить запрещает!

Зачем Чи Е запрещал ей гулять в этих переулках, объяснять не требовалось — золотозубый уже притоптал окурок и направился к ним.

Под слитный свист толпы Хуайцин задвинул девочку за спину.

— Эй, красавчик, — заговорил мужик, неловко потирая руки. — Из приезжих, что ли? Раньше тебя в Аньчуане не видел... Постой, ты куда?!

Засаленная цветная рубашка на нём разлетелась, выставив наружу потненькое брюшко; шлёпанцы при беге отвратительно шлёпали по асфальту.

— Да ладно тебе, просто познакомимся! Чего драпаешь, я ж только спросить хотел!

Сзади снова грянул гогот:

— Лао Ху, ну ты даёшь! Напугал парня!

— Да брось ты, худая затея, дай я спрошу! — Девица в майке на лямочках хохотала так, что мелкие кудряшки на её голове подпрыгивали. Соскочив с высокого крыльца, она сложила ладони рупором:

— Эй! Он спрашивает, почём берёшь за ночь?!

Чи Ино, которую Хуайцин тянул за собой, не удержалась и оглянулась, злобно смерив шпану взглядом. Опрометчивых слов девица не поняла, но нутром чуяла — ляпнули какую-то гнусь.

На крики уже начали оглядываться прохожие. Тун Хуайцин резко остановился. Полуденное солнце слепило глаза; длинные ресницы дрогнули, затенив взгляд, в котором было не разобрать эмоций.

— Чё, тугой? Были бы деньги, а задница найдётся!

Золотозубый, не теряя надежды, подступил ближе:

— Да ты не бери в голову, я просто... Мать твою!

Никто и охнуть не успел, как Хуайцин перешёл к делу.

Противников было много, сам он выглядел хрупким и холёным, да ещё и с ребёнком на руках. В обычной ситуации любой прохожий на его месте постарался бы спустить всё на тормозах, лишь бы не подвергать риску девушку.

Но Тун Хуайцин просто сграбастал стоявший у обочины вазон и от всей души шарахнул им по голове хама.

Толстый глиняный горшок оглушительно разлетелся на куски. Из него посыпалась слёжавшаяся земля и жухлая листва. Мужик согнулся в три погибели, схватился за пробитую башку и визгливо, по-свински заверещал:

— Убива-а-ют!

Ино даже не испугалась. Напротив, упёрла руки в бока и запальчиво выкрикнула:

— Так тебе и надо, гад! Нечего дорогу заступать!

На обувь Хуайцина налипла грязь. Вазон оказался тяжёлым, сухая земля сбилась в плотные комья — они оставили на его белой, нежной ладони заметные ссадины.

— Ты на чьей территории руки распускаешь, мразь? — Из подворотни поднялся гопник с папироской в зубах и широким шагом двинулся на Хуайцина. — Ты вообще кто такой, бля?

Хуайцин продолжал разглядывать свои повреждённые пальцы.

— Я с кем, сука, разговариваю?!

Парень рванулся вперёд, намереваясь сграбастать Хуайцина за грудки:

— А ну пошёл сюда... А-а-агх!

Перекошенное от боли лицо гопника судорожно дёрнулось. Его корпус неестественно заломило в сторону; тяжело дыша, он устался на собственную руку, которую мёртвой хваткой сжимала чья-то могучая ладонь.

Чуть выше возвышался чистый, недобрый разрез смоляных глаз.

Чи Ино расцвела, словно подсолнух под солнцем, и звонко выкрикнула:

— Брат!

— Всё можно решить по-хорошему, — ровно произнёс Чи Е, не ослабляя хватки. — Нечего руками махать, только людей смешить.

Голос его звучал буднично, но заломанный парень чувствовал, как с каждым словом кости трещат всё сильнее. На лбу у него выступила испарина, а голос задрожал:

— Старший брат... Вы откуда?.. Это... это он первый напросился!

Компания замешкалась, но тут же обступила их. Кто-то замял тему, пытаясь сгладить угол, кто-то гаркнул на зевак, чтобы проваливали, а один из шпаны суетливо щёлкнул зажигалкой:

— Старший брат, затянуться не хочешь?

Чи Е даже не шелохнулся.

— Они нам пройти не давали! — перебивая всех, выпалила Ино. — И про брата Тунтуна гадости говорили!

Гопник побледнел:

— Я... я не знал, что это твоя сестрёнка...

Чи Е чуть наклонил голову, зажимая папиросу губами. Шелупонь тут же поднесла огонёк. На фоне неистового цикадного звона поднялся блёклый голубоватый дымок.

— И что с того? — спокойно спросил Чи Е.

Золотозубый уже поднялся с земли и, прижимая ладонь ко лбу, подскочил ближе:

— Недоразумение, брат Чи, чистое недоразумение!

— Руку убрал, — бросил Чи Е.

Мужик убрал короткие грязные пальцы, открывая припылённый лоб. Смерив взглядом едва заметную ссадину, Чи Е наконец отпустил руку шестёрки и с усмешкой похлопал того тыльной стороной ладони по щеке:

— И из-за этого сопли распустил?

— Да пустяки, хе-хе, — залебезил тот, сгибаясь в три погибели. — Реально оплошка вышла... Я думал, он из этих... не знал, что твой кореш.

Обтянутые чёрной футболкой плечи Чи Е выглядели внушительно.

— Тунтун, — прохрипел он прокуренным голосом. — Иди сюда.

Тун Хуайцин нехотя опустил руку. Он подошёл, даже не подняв глаз — будто один только взгляд на эту свору был для них слишком щедрым подарком.

— Тронули?

Хуайцин качнул головой, опустив длинные ресницы.

— Ладно, — кивнул Чи Е. — Проехали.

Он небрежно цапнул Ино за руку:

— Шагай давай. Дома уроки делать будешь.

И, не обращая внимания на опешившую шпану, пошёл вперёд. Толпа тут же расступилась перед ним.

Тун Хуайцин плёлся следом, бездумно растирая пораненную ладонь.

Свернули за угол, прошмыгнули под раскидистыми павловниями. Едва переступив порог двора, Чи Ино моментально преобразилась: спесь слетела, как не бывало, и «подсолнух», лишившись солнца, уныло повесил голову.

— Брат, — повинно выговорила она. — Я виновата.

Чи Е резко встал как вкопанный.

Хуайцин зазевался и врезался ему аккурат в спину. «Почему у него и спина дубовая?»

В знойном воздухе слышалось лишь щебетание птиц из кроны деревьев.

— Брат Тунтун ни при чём, — честно взяла всё на себя Ино. — Это я его вытащила!

Чи Е вальяжно уселся на табурет. Чэнь Сяньян тут же метнулся к калитке и задвинул засов.

— Второй брат, ну хоть ты скажи что-нибудь! — со слезой в голосе попросила девчушка.

Сяньян лишь закатил глаза:

— Ты меня в комнате заперла, овца!

— Я думала, часа хватит! — запричитала Ино. — Ну прости!

Завязи граната в клумбе ещё не налились соком и зеленели среди листвы. Возле уха Хуайцина прожужжала пчела. Наблюдать за разборками брата и сестры ему не хотелось, да и руки после земли требовалось отмыть, так что он отправился в душ.

В клубах пара Хуайцин крутил в пальцах красную цепочку.

«А ведь и правда симпатичная».

Когда он вышел из ванной с влажными волосами, Чи Е окликнул его:

— И ты тоже.

Тун Хуайцин недоумённо повернулся. Чи Ино уже скорбила вовсю, скривив губы.

— Провинился — отвечай, — шепнул Чэнь Сяньян. — Старший брат сказал, обоим достанется.

«Опять запрут на выходные?» — Хуайцин презрительно вскинул подбородок. Да и к чёрту. Ему всё равно, где торчать.

— Брат Тунтун... — Ино готова была вот-вот расплакаться. — Прости-и-и...

«Да из-за чего так убиваться?»

Хуайцин равнодушно зевал. Ощувив, что между пальцами осталась мыльная плёнка, он вразвалочку подошёл к раковине и крутанул кран.

И сквозь шум воды до него долетели следующие слова Сяньяна:

— Будут... ремня давать.

<http://bllate.org/book/19966/1985763>